

**В диссертационный совет 24.2.437.12 при
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский
государственный университет
(национальный исследовательский
университет)»**

454080, г. Челябинск, ул. Ленина 78 Б корп. 5, ауд. 401

О Т З Ы В

официального оппонента кандидата юридических наук, доцента
Клевцова Кирилла Константиновича на диссертацию
ЧОБИТЬКО Максима Борисовича «Выдача в уголовном судопроизводстве
Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы
совершенствования», представленной на соискание ученой степени кандидата
юридических наук по специальности 5.1.4. – «Уголовно-правовые науки»

Открытость государственных границ представляет возможность лицам, совершившим преступления на территории одного государства, беспрепятственно покинуть его пределы, и продолжить реализовать свои преступные замыслы в любом уголке мира. Зачастую преступления совершаются транснациональными организованными группами, состоящими из граждан (подданных) различных государств, в том числе полипатридов, а в ряде случаев и апатридов. Подобные обстоятельства существенным образом усложняют раскрытие и расследование такого рода преступлений.

В этой связи одним из действенных правовых механизмов привлечения к уголовной ответственности лиц, скрывающихся за пределами того государства, интересы которого были нарушены в результате совершения преступления, является выдача лиц (экстрадиция), для которой, в свою очередь, характерны определенные исторические закономерности правового регулирования. При этом правовая регуляция экстрадиции в каждом государстве имеет свои особенности, которые продиктованы избранной конкретным сувереном модели выдачи лиц. В доктрине общепринято выделять административную, судебную и смешанную парадигму экстрадиции. Как представляется, Российская

Федерация в большей степени придерживается именно последней модели (смешанной, хотя ранее в советский период доминировала исключительно административная). Все зависит от того какие критерии положены в основу каждой из моделей. Доктринальных подходов и рассуждений на этот счет множество¹.

Между тем до сих пор как в науке², так и практике «экстрадиционные вопросы» не утихают и не теряют своей актуальности, особенно принимая во внимание последние политические события. Прежде всего, это касается ангажированности ряда иностранных государств при рассмотрении запросов Российской Федерации о выдаче лиц для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора. Так, по состоянию на первый квартал 2023 года компетентные органы иностранных государств не удовлетворили 19 запросов России об экстрадиции, где в восьми случаях, как утверждает Генеральная прокуратура Российской Федерации, отказы выданы по «политическим мотивам»³. По мнению надзорного органа такие отказы в выдаче уголовно преследуемых лиц резко возросли после начала специальной военной операции⁴.

¹ Например, см.: *Никольский Д.П.* О выдаче преступников по началам международного права / С.-Петербург: «Типография М.М. Стасюлевича Вас. Остров», 1884. С. 501; *Штиглиц А.Н.* Исследование о выдаче преступников, Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 127; *Шаргородский М.Д.* Выдача преступников и право убежища в международном уголовном праве. Избранные труды. СПб: «Юридический центр Пресс», 2004. С. 106; *Воронин О.В.* О понятии, содержании, типах, видах и сложившихся моделях экстрадиции // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 37-40.

² Из наиболее последних работ, посвященных как общим, так и частным экстрадиционным проблемам, см.: *Несмачная Н.В.* Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора: правовое регулирование и порядок осуществления в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016; *Насонов А.А.* Реализация в уголовном процессе России права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2019; *Лятифов Р.Г.* Избрание мер пресечения для обеспечения выдачи лица, запрашиваемого иностранным государством в целях уголовного преследования или исполнения приговора: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2019; *Шайбакова К.Д.* Экстрадиция в современном международном праве: генезис, правовая природа, реализация: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2020 и др.

³ См.: РФ в первом квартале получила от Запада 19 отказов в экстрадиции и 15 отказов в правовой помощи // Коммерсантъ: информ. порт. 2023. 3 апр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5912998?ysclid=lkmpodui0546960995> (дата обращения: 01.08.2023).

⁴ См.: В ГП сообщили о резком росте числа отказов в экстрадиции в Россию после начала СВО // ТАСС: информ. порт. 2023. 25 апр. URL:

Многие отказы компетентных органов иностранных государств в осуществлении международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства связаны, в частности, с выходом России из состава Совета Европы и прекращением ряда международных договоров, заключенных под эгидой данной международной организации, мотивируя это тем, что якобы Российская Федерация не придерживается международных европейских стандартов, а соответственно по их надуманному мнению Россия выступает против фундаментальных ценностей и прав человека⁵. Однако, стоит констатировать, что международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, а, следовательно, и экстрадиция является все же правовым механизмом по своей природе, но с политической составляющей⁶. Следует принять во внимание, что экстрадиционные нормы в отечественной правовой системе в большей степени имеют «уголовно-процессуальную прописку» и не подвергались с момента принятия 18 декабря 2001 года Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации какой-либо существенной переработки в силу их устойчивости применительно к любым политическим событиям, в том числе внешнеполитическим, и их симметричности с нормами международного права. Как представляется, повсеместная цифровизация общества, приоритет национальных интересов⁷ над навязанными из вне, в том

<https://tass.ru/obschestvo/17604093?ysclid=lkmq9ogokc644513624> (дата обращения: 01.08.2023).

⁵ См. об этом: *Амиров Д.Р.* Механизм оказания правовой помощи по уголовным делам после выхода России из Совета Европы // Уголовный процесс. 2023. № 6. URL: <https://e.ugpr.ru/1028226> (дата обращения: 01.08.2023).

⁶ См.: *Быкова Е.В., Выкуб В.С.* Международное сотрудничество или политика? // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 3. С. 3-5.

⁷ По состоянию на 1 августа 2023 года в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации находится на рассмотрении законопроект, которым предлагается закрепить в УПК РФ консульскую правовую помощь по уголовным делам в целях преодоления проблем с исполнением недружественными иностранными государствами российских запросов о международной правовой помощи (Подробнее см.: Законопроект № 280226-8 «О внесении изменений в статьи 453 и 456 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (по вопросу о консульской функции по выполнению отдельных процессуальных действий по уголовным делам по запросам компетентных органов представляемого государства)» // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/280226-8?ysclid=lj4n2zx8ib26266114> (дата обращения: 01.08.2023).

числе посредством искажения максимы *erga omnes*, а также беспрекословное соблюдение прав, свобод и интересов личности вне зависимости от гражданства либо его отсутствия, диктуют пересмотр некоторых действующих отечественных уголовно-процессуальных норм, регламентирующих выдачу лиц и принятию новых, с учетом национальных интересов, правоприменительной практики и «действительных» международных стандартов.

В этой связи вопросы выдачи лиц для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора являются «архиаktуальными» как в теории (отечественной и зарубежной), так и правоприменительной практике, а следовательно, обращение диссертанта к проблемам, возникающим в сфере экстрадиции, в контексте международного сотрудничества наряду с иными факторами предопределяет **высокую актуальность диссертации М.Б. ЧОБИТЬКО** на тему: «Выдача в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования».

Вместе с тем актуальность приведённого исследования определяется несколькими факторами:

Кроме того, «Генеральной прокуратурой Российской Федерации разрабатывается проект “блокирующего” федерального закона, криминализирующего проведение на территории Российской Федерации без разрешения ее компетентных органов следственных и иных процессуальных действий, вручения (передачи) процессуальных документов, оперативно-разыскных мероприятий должностными лицами иностранных государств, международных органов и организаций в целях получения доказательств (включая электронные), в том числе путем использования систем видеоконференцсвязи и иных средств связи из-за рубежа, а также оказание содействия таким должностным лицам в этих целях. Законопроект направлен, в числе иного, на минимизацию дистанционного трансграничного, иностранными и международными структурами доказательств против российских военнослужащих и других лиц. При его разработке использован законодательный опыт США, Швейцарии и Франции» (*Литвишко П.А.* Процесс политизации деятельности международных судебных и следственных органов при рассмотрении ими дел в отношении Российской Федерации // Сб. мат. III научно-практической конференции «Военное право в системе обеспечения национальной безопасности. Международно-правовые аспекты военного и военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами» (16 августа 2022) / под общ. ред. докт. юрид. наук, профессора А.В. Кудашкина. М., 2022. С. 141).

- *нестабильностью экстрадиционных взаимоотношений Российской Федерации с другими государствами, особенно проявившейся после объявления о проведении специальной военной операции*⁸;

- *переосмыслением в российской правовой системе подходов к принципу верховенства международного права, допускающих умаление суверенитета;*

- *отсутствием отечественной уголовно-процессуальной детализации правового статуса лица, являющегося участником экстрадиционных правоотношений;*

- *применением альтернативных выдаче лиц способов привлечения к уголовной ответственности, граничащих с неправовыми, зачастую запрещенными методами.*

Изложенное, а также дискуссионность различных «экстрадиционных вопросов» на доктринальном уровне и практике, обилие правовых актов, отнюдь не единообразно решающих его проблемные вопросы, правовое регулирование которых находится на стыке международного и внутригосударственного права, также предопределяют актуальность диссертационного исследования.

Научная новизна рукописи не вызывает сомнений и заключается в первую очередь в положениях, выносимых на защиту. Ряд из них направлены на разрешение теоретических, нормативно-правовых и прикладных вопросов, касающихся выдачи лиц в контексте уголовного-процессуального и международного права, соответственно, они имеют **большое практическое значение**.

Диссертант методологически верно сформулировал **цель, задачи, предмет и объект** своего исследования, а также раскрыл **степень разработанности темы исследования**. Достижению цели способствовало решение продуманной системы задач. Автор диссертации применял апробированную в уголовно-правовых науках **методологию**, что

⁸ Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 22.02.2022 № 35-СФ «Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1418.

способствовало получению обоснованных и достоверных результатов, выводов и рекомендаций.

Теоретической основой исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых в области уголовного процесса и других отраслей права, относящихся к исследуемой проблематике. **Нормативно-правовой базой** исследования стали памятники права и положения действующего российского законодательства, в том числе ведомственные документы правоохранительных органов, а также различные международные договоры по вопросам сотрудничества государств в уголовно-процессуальной сфере.

Достоверность теоретических выкладок определяется достаточным и репрезентативным эмпирическим материалом. **Эмпирическую основу диссертационного исследования** составили результаты изучения автором судебной практики районных (городских), областных судов (Свердловской и Челябинской областей – 139 дел), апелляционных, кассационных судов, решений ЕСПЧ, Комитета против пыток и других международных организаций.

Отличие настоящего исследования от работ со сходной тематикой заключается в том, что автор теоретико-методологически по-иному взглянул на механизм выдачи лиц через призму его уголовно-процессуальной процедуры. Его диссертацию отличают тезисы о форме и модели выдачи лиц в системе внутригосударственного права. Именно комплексный анализ процессуального механизма выдачи лиц, его структурные элементы, особенности, закономерности и недостатки, как коллизионного характера, так избыточного регулирования и пробелов, влияющих на правовой статус участников экстрадиционных правоотношений отличают настоящую рукопись от весьма многочисленных работ, посвященных экстрадиции, но и в большей части исследований в области международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. С учетом этого еще раз подтверждается **научная новизна** диссертации.

Диссертация представляет собой зрелое научное исследование, о чем свидетельствует то, что в ней предпринята попытка решить ряд довольно сложных задач (стр. 8-9). На защиту вынесено 7 положений (стр. 11-15), в обоснование которых автор приводит достаточно серьезные аргументы, вытекающие из результатов проведенного им научного исследования.

Высокая практическая и теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что выявленные диссертантом новейшие тенденции и сформулированные идеи, как представляется, могут использоваться для совершенствования российской уголовной политики *sensu lato*, в частности путем включения в законодательство Российской Федерации норм, позволяющих надлежащим образом усовершенствовать и улучшить правовое регулирование различных аспектов одной из сложнейших проблем, возникающих при осуществлении международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства – выдачи лиц для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора.

Теоретические положения диссертации могут использоваться в научных исследованиях, направленных на дальнейшую разработку их соответствующих разделов, в учебном процессе юридических вузов, при написании учебных и учебно-методических пособий, монографий, а также в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Обоснованность научных положений, выводов и рекомендаций, представленных в диссертации, подтверждается:

- (а) ясностью трактовки основных теоретических результатов;
- (б) сочетанием научных исследований с рекомендациями по их использованию на практике;
- (в) апробированием разработанных научных положений и рекомендаций.

Апробация и внедрение результатов исследования осуществлялись на теоретических и научно-практических конференциях, при подготовке научных публикаций, путем внедрения соответствующих научных разработок в учебный процесс и практическую деятельность. Основные научные результаты диссертационного исследования отражены в 7 научных публикациях автора, из

них 4 – в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Структура работы включает в себя введение, две главы, включающие семь параграфов, заключение, список использованных источников и приложения. Структура диссертации соответствует заявленной теме, цели и задачам исследования, раскрывает его основные проблемы и выводы. Каждая из частей диссертации составляет органическое единство с другими частями. Диссертация обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые автором для публичной защиты, что свидетельствует о личном вкладе автора в науку. Предложенные автором решения аргументированы и оценены по сравнению с другими известными решениями. Работа написана хорошим литературным языком, в напористом, наступательном стиле. Диссертант продемонстрировал глубокие междисциплинарные познания, что, конечно же, обогащает науку.

Первая глава диссертации (стр. 18-127) посвящена исследованию выдачи через призму межотраслевого правового феномена. В значительной мере она посвящена теоретико-правовым и историческим аспектам рассматриваемой темы. Мы всемерно разделяем обоснованную позицию автора о том, что «институт выдачи представляет собой смешанный правовой институт с преобладанием уголовно-процессуального права, для которого характерны свой перечень участников, специальная судебная процедура, порядок оценки доказательств, правовое регулирование вопросов по мере пресечения, обжалованию судебных решений и т.д., содержащий в своей системе элементы уголовного и международного права, необходимые для реализации его задач» (стр. 27).

Довольно интересным с практической точки зрения, но и не лишенным теоретического значения видится вывод автора о том, что одним из элементов, осложняющим выдачу по правилам УПК РФ, является отсутствие четкого понимания критерия проверки обоснованности уголовного преследования лица, в отношении которого поступил запрос о выдаче, а Европейская конвенция о

выдаче от 13 декабря 1957 года (далее – Парижская конвенция, Европейская конвенция о выдаче) не предусматривает таких положений, которые должны учитываться во внутригосударственном праве (стр. 42-43).

Научной новизной обладают и рассуждения диссертанта о соотношении выдачи лиц для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора с такими механизмами как интернирование и обмен пленными, которые обусловлены войнами, международными и локальными конфликтами и регулируются отчасти международным правом, но не подпадающих под правовой режим, для которых ближайшей сферой правового регулирования является институт экстрадиции (стр. 62-70).

Заслуживает безусловной поддержки мысль автора о некорректности рассуждений о приоритете в институте экстрадиции конкретной отрасли права ввиду невозможности такого утверждения, в том числе в силу рамок профессионального мышления о комплексном характере института выдачи, в котором акценты и приоритеты находятся в состоянии динамики, обусловленной непрерывными изменениями в обществе (стр. 71).

Небезынтересным в теоретическом аспекте видится предложенная автором периодизация выдачи как российского уголовно-процессуального института: 1) с древних времен – до 1864 года (выдача реализовывалась в рамках международных правоотношений властных субъектов, затем международного права); 2) с 1864 года – до 1911 года (становление и развитие российского уголовного процесса и юридического дискурса по формированию уголовно-процессуального института выдачи, реализация выдачи в рамках уголовно-процессуального закона); 3) с 2002 года – до настоящего времени (нормативно-закрепление уголовно-процессуального института выдачи, его современное развитие) (стр. 127).

Вторую главу диссертации (стр. 128-241) автор отвел рассмотрению экстрадиционных правоотношений Российской Федерации через призму отечественного уголовно-процессуального права. В частности, такие правоотношения рассматриваются «зеркально», как возникающие по запросам

Российской Федерации, так по запросам, направляемых компетентными органами иностранных государств в Россию.

Особый интерес для теории и практики представляет собой вывод диссертанта о том, что на сегодняшний день «глубина» судебного контроля при разрешении ходатайств о заключению под стражу лиц, подлежащих выдаче, является минимальной, вследствие чего предлагается обязать суд фактически проверить такое ходатайство и приобщенные к нему материалы, указывающие на причастность к совершенному преступлению именно этого лица, и дать этим сведениями оценку в своем решении (стр. 142). Любопытным видится рассмотрение этого вопроса через стандарты доказывания, которые определяют, как верно отметил автор, границы, глубину судебного контроля, следовательно, и объем сведений, которые имеет право исследовать суд (стр. 177). По этой же причине усматривается прикладная ценность и мысль, что постановка вопросов доказанности в рамках пониженного стандарта на стадиях судебного контроля является необходимостью, поскольку только при анализе фактических обстоятельств, связанных с причастностью к преступлению, можно установить, соответствуют ли требования правилам выдачи, поскольку если же правомочия суда по проверке обоснованности выдачи ограничивается оценкой формального соблюдения требований, то такая процедура противоречит самому назначению уголовного судопроизводства (стр. 187).

Согласимся также и с утверждением, что одним из способов обеспечения гарантий за соблюдением правила специализации при решении «экстрадиционных вопросов» является дипломатический контроль (стр. 144), а при проверке выдачи лиц на предмет исключения политических преступлений стоит в качестве источников учитывать заключения МИД РФ о ситуации с соблюдением прав и свобод человека в запрашивающем государстве (стр. 160).

Достаточно оригинальным видится рассуждения диссертанта о соблюдении принципа «двойной криминальности» (*double criminality*) при рассмотрении запроса о выдаче лица в контексте административной преюдиции (стр. 157). На этот счет автор справедливо указывает, что если по всем признакам уголовная ответственность возможна только в условиях

повторности, то такие деяния должны влечь отказ в выдаче, поскольку преступления, включающие в свою юридическую конструкцию административную преюдицию, дифференцируют уголовную и административную ответственность за одно и то же деяние, тем самым определяется количественный показатель, при котором деяние является уголовно-наказуемым (стр. 157).

Автор формулирует обоснованный вывод, что если лицо задерживается в связи с международным розыском по запросу иностранного государства, то уполномоченному должностному лицу затруднительно решить вопрос о наличии оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, поскольку уголовно-процессуальное законодательство содержит исчерпывающий перечень таких оснований. При этом суд должен дать оценку наличию оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 97 УПК РФ, и привести их в своем решении, в то время, как это нереально при наличии ограниченного объема информации, предоставленного по делу, находящемуся в производстве в другом государстве (стр. 166). Верно по своей сути утверждение автора и о том, что российская система декларирует процессуальный порядок выдачи лиц, который реализуется в рамках ведомственной проверочной процедуры и ограничен механизмами судебного контроля (стр. 172).

Вместе с тем интересна с точки зрения соблюдения прав лица, в отношении которого поступил запрос о выдаче, позиция диссертанта о запрете производства экстрадиционных процедур до разрешения ходатайства о предоставлении временного или политического убежища (стр. 211, 235-238), поскольку последствия выдачи такого лица могут быть трагическими (к примеру, применение пыток, жестокое бесчеловечное обращение и т.д.). Иными словами, должны быть исчерпаны все средства правовой защиты.

В заключении (стр. 242-248) автор в обобщенном виде излагает выводы проведенного исследования и рекомендации.

Содержание работы свидетельствует, что диссертационное исследование М.Б. ЧОБИТЬКО выполнено на высоком научном и практическом уровне, изучен и проанализирован значительный объем теоретического, практического

и нормативного материала; работа содержит ряд интересных новых выводов и предложений, направленных на совершенствование нормативного регулирования как выдачи лиц для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора, так и в целом международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

Автореферат соответствует содержанию диссертации, отражает основные результаты, идеи и выводы исследования, степень новизны работы.

По ключевым пунктам мы разделяем позицию диссертанта. Вместе с тем, несмотря на высокий уровень работы, обоснованность научных положений, выводов и рекомендаций, их достоверность и новизну, теоретическую и практическую значимость, следует указать и на то, что **диссертация не лишена отдельных спорных положений и недочетов**, среди которых обратим внимание на следующие.

1. *Представляется, что использование диссертантом в обозначении глав, параграфов и по тексту рукописи термина «выдача» не совсем верно с точки зрения общепринятой юридической терминологии (как на уровне национального права, так и международного).* Если использовать легальную терминологию, то в УПК РФ используется формулировка: «Выдача лиц для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора» (Глава 54). Иными словами, российский законодатель конкретизирует того, кто подлежит выдаче. В то же время, если придерживаться подхода о синонимичности понятий «выдача лица» и «экстрадиция», который, исходя из наименования темы и оглавления диссертации⁹, а также ее содержания, разделяет автор, допускается использование термина «экстрадиции» при описании указанного правового механизма. Такая позиция согласуется с

⁹ Глава I автором обозначена: «Выдача как межотраслевой правовой феномен», а Глава II сформулирована: «Экстрадиционные правоотношения Российской Федерации в уголовно-процессуальном законе».

понятийно-категориальным аппаратам, сформулированном в уголовно-процессуальном¹⁰ и международном праве¹¹.

Несмотря на тот факт, что на русском языке международный договор, регламентирующий рассматриваемые нами вопросы, поименован как Европейская конвенция о выдаче (то есть без конкретизации объекта выдачи), то на аутентичных текстах в этом соглашении делается акцент именно на специфическом термине «экстрадиция» (англ. – *extradition*, фр. - *d'extradition*), представляющей собой процедуру (процесс), согласно которой лицо, находящееся в запрашиваемом государстве, доставляется (возвращается) в запрашивающее государство, которому был нанесен ущерб или на территории которого было совершено преступление, либо гражданином которого данное лицо является для привлечения его к уголовной ответственности или исполнения приговора.

2. Затрагивая возможность выдачи лиц для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора на основе принципа взаимности (стр. 32-33), диссертанту, думается, в ходе публичной защиты следует соотнести его с иной правовой категорией, которая имеет место быть при осуществлении международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, - правилом международной вежливости [*international courtesy*]. Так, американскими учеными на примере экстрадиции подчеркивалось, что «взаимность может стать обязательной по международному праву, если она отражает обычай государства, о чем свидетельствует его последовательная практика. Однако вежливость не является обязательной, поскольку рассматривается в качестве акта доброй воли»¹². Аргументированная позиция соискателя по этому вопросу придавала бы рукописи дополнительную теоретическую и практическую значимость.

¹⁰ Например, см.: Решетнева Т.В. Экстрадиция полипатридов в российском уголовном судопроизводстве (проблемы теории и практик): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009.

¹¹ См.: Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. М.: Волтерс Клувер, 2005.

¹² Bassiouni M.C. International Extradition: United States Law and Practice. 6th Ed. New York: Oxford University Press, 2014. P. 43.

3. Достаточно дискуссионным видится вывод диссертанта о том, что «в системе оснований выдачи преимущественное значение имеют многосторонние конвенции и двусторонние договоры, дополнением к которым служат специальные соглашения о противодействии наиболее опасным видам преступления. Остальные соглашения по отношению к ним носят вспомогательный характер. При выборе основания учитывается последовательность заключенных договоров и их влияние на процессуальное положение выдаваемого лица» (стр. 50).

Во-первых, возникает вопрос: по отношению к чему многосторонние конвенции и двусторонние договоры имеют преимущество? В отношении иных международных договоров? Или же по отношению к положениям российского уголовно-процессуального закона?

Во-вторых, международные договоры общепринято классифицировать в зависимости от участников на *многосторонние* и *двусторонние*¹³. При чем многосторонние соглашения могут рассматриваться как *групповые* (*региональные/субрегиональные*¹⁴ и *нерегинальные*), так и *общие* (*универсальные*)¹⁵. Одновременно, в силу п. 2 ст. 3 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»¹⁶ международные соглашения могут быть *межгосударственными*, заключенные от имени Российской Федерации; *межправительственными* (от имени Правительства Российской Федерации) и *договоры межведомственного характера* (от имени федеральных органов исполнительной власти или уполномоченных организаций). В этой связи не совсем понятна формулировка «остальные соглашения» в контексте их применения с многосторонними конвенциями и двусторонними договорами.

¹³ Руководство по международным договорам, подготовленное Договорной секцией Управления по правовым вопросам Организации Объединенных Наций. Нью-Йорк, 2002.

¹⁴ Такой подход продиктован в силу деления международных организаций на региональные и субрегиональные (См.: Международное право: Учебник / отв. ред. д.ю.н., проф. С.А. Егоров. М.: Статут, 2016. С. 633-636).

¹⁵ Подробнее см.: *Талалаев А.Н.* Право международных договоров. Том 1: Общие вопросы / отв. ред. Л.Н. Шестаков. М.: Издательство «Зерцало», 2009. С. 93-96.

¹⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757.

Наконец, *в-третьих*, при разрешении вопросов, связанных с коллизией норм международного права, следует прежде всего обращаться к системному анализу нормативных предписаний, закрепленных в различных международных договорах, регламентирующих экстрадицию. Небезынтересным в этом контексте является п. 1 ст. 28 Парижской конвенции, согласно которому ее нормы в отношении тех государств, к которым она применяется, имеет преимущество перед положениями любых двусторонних договоров, регулирующих экстрадицию между любыми двумя государствами-участниками. Другими словами, нормы этой конвенции носят приоритетный характер по сравнению с любыми иными договорами о выдаче. Однако, далее в п. 2 ст. 28 приведенного договора закреплена возможность для государств-участников заключать между собой двусторонние или многосторонние соглашения относительно выдачи лиц с целью дополнения норм рассматриваемой выше конвенции или содействия применению содержащихся в ней принципов.

В то же время определенным правовым «ноу-хау» этой конвенции является то, что они разрешают государствам-участникам в целом не применять их, если между сотрудничающими государствами выработан единый механизм взаимодействия выдачи согласно их единообразному законодательству или системы. Однако, имеется одно условие – стороны должны сообщить об этом Генеральному секретарю Совета Европы.

Соответственно, в приведенном соглашении одновременно содержатся взаимоисключающие нормы, которые, с одной стороны, определяют примат, содержащихся в ней нормативных предписаний над иными положениями многосторонних и двусторонних договоров на обозначенную тематику, а с другой – позволяют в общем виде применять договорные нормы иных международных актов, регламентирующих конкретные вопросы в целях их дополнения или вовсе содержать возможность не применять положения Парижской конвенции при наличии сложившихся определенных отношений между сторонами.

Для Российской Федерации представляет интерес соотношение норм Минской¹⁷ и Кишиневской¹⁸ конвенциях, имеющих одинаковый предмет регулирования, а следовательно, какие положения применять в практической деятельности. Если обратиться к п. 3 и 4 ст. 120 последней конвенции, можно прийти к выводу, что положения первой теряют свою силу, за исключением только тех государств, которые не стали участниками Кишиневской конвенции. Думается, это также текстуально вытекает из общего положения международного права, а точнее ст. 30 Венской конвенции о праве международных договоров, разрешающей применять нормы предыдущего договора, которые совместимы с положениями последующего соглашения.

В доктрине на этот счет также замечается, что «в случае если Россия является одновременно участником многостороннего и двустороннего договоров, то при их расхождении преимущественно имеют положения многостороннего (универсального) договора»¹⁹. Предполагаем, что такой подход обусловлен официальным разъяснением Пленума Верховного Суда Российской Федерации, отраженного в постановлении от 14 декабря 2012 года № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания», в котором говорится, что если международный договор Российской Федерации, заключенный с государством-участником Европейской конвенции о выдаче содержит иные правила, то преимущественной силой обладают положения исключительно Европейская конвенция о выдаче при условии, что такие иные правила не связаны с дополнением ее положений или облегчением применения содержащиеся в ней принципов.

¹⁷ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года // Бюллетень международных договоров. 1995. № 2.

¹⁸ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 30. Ст. 5501.

¹⁹ См.: *Щерба С.П.* Глава 12. Международное сотрудничество органов прокуратуры // Настольная книга прокурора / под общ. ред. С.Г. Кехлерова, О.С. Капинус; науч. ред. А.Ю. Винокуров. М.: Изд-во «Юрайт», 2012. С. 971.

Таким образом, утверждение автора, что «при выборе основания выдачи учитывается последовательность заключенных договоров и их влияние на процессуальные положение выдаваемого лица», как представляется, является достаточно спорным.

4. В контексте экстрадиции особую роль играет правило *aut dedere aut judicare* (с лат. «либо выдай, либо суди»). Указанный принцип в первую очередь обусловлен тем, что независимо от места совершения преступления лицо должно понести уголовную ответственность и справедливое наказание посредством либо выдачи запрашивающему государству, либо судебного рассмотрения в государстве, на территории того государства, где находится уголовно преследуемое лицо²⁰. Однако, до сих пор неясно является ли обязанность выдачи или преследования «дизъюнктивной» (альтернативной) или «сосуществующей». Как отметил Ш. Бассиони если обязанность по выдаче или судебному преследованию является альтернативной, то существует первичное обязательство по выдаче при соблюдении соответствующих условий и вторичное обязательство по судебному преследованию согласно национальному законодательству, если экстрадиция не может быть разрешена. Таким образом, обязанность преследовать, когда оно возникает в силу положений внутригосударственного права не оставляет запрашивающему государству никаких альтернативных средств правовой защиты. А если требование по выдаче или преследованию является сосуществующей, а не дизъюнктивным, то запрашиваемое государство может по своему усмотрению выбирать между экстрадицией и уголовным преследованием²¹. В этой связи в ходе публичной защиты, как представляется, диссертанту стоит обозначить свою позицию по данному вопросу, поскольку он затронут лишь косвенно.

5. Весьма дискуссионным видится позиция диссертанта касательно рассмотрения транзитной перевозки лиц (ст. 462.1 УПК РФ) вне рамок экстрадиции (стр. 132), поскольку приведенная статья российского уголовно-

²⁰ *Plachta M.* The Lockerbie Case: The role of the Security Council in enforcing the principle *aut dedere aut judicare* // *European Journal of International law*. 2001. Vol. 12. P. 124-140.

²¹ *Bassiouni M.C.* International Extradition: United States Law and Practice. P. 13.

процессуального закона регламентирует именно транзитную перевозку *выданных лиц* (курсив наш – К.К.), что подчеркивает ее неотъемлемую составляющую всего экстрадиционного механизма. Кроме того, структурно статья 462.1 УПК РФ закреплена в главе, регулирующей выдачу лиц для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора, что еще раз подчеркивает ее юридическую имманентность. Из Парижской конвенции усматривается такой же подход. *По этой же логике считаем, что экстрадиция охватывает также и выдачу на время (стр. 132-133).*

6. *Трудно согласиться с выводом соискателя ученой степени, что «следователь исключен из числа участников экстрадиционных процедур и не способен влиять на ход выдачи» (стр. 133, 146).* Если следовать такой логике, то получается выдача лица должна также состояться при прекращении следователем уголовного дела (уголовного преследования) либо при отмене меры пресечения в виде заключения под стражу, которая была избрана заочно (ч. 5 ст. 108 УПК РФ), что, в свою очередь, является основанием для вынесения решения о прекращении международного розыска обвиняемых, разыскиваемых с целью ареста и выдачи²². Думается, диссертант умалил роль следователя при разрешении «экстрадиционных вопросов».

7. *В диссертации зачастую приводятся решения Европейского Суда по правам человека, в частности принятые в отношении Российской Федерации (напр., стр. 138, 191-193).* Однако, в соответствии со смыслом, заложенным в ст. 2 Федерального закона от 11 июня 2022 года № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»²³ постановления Европейского Суда по правам человека, вступившие в силу после 15 марта 2022 года, не подлежат исполнению в Российской Федерации, а

²² См.: подпункт 154.1 пункта 154 Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола, утвержденной приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной службы охраны Российской Федерации, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Федеральной таможенной службы от 6 октября 2006 г. N 786/310/470/454/333/971 (далее – Инструкция по организации информационного обеспечения по линии Интерпола).

²³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 24. С. 3940.

те решения, которые вступили в силу до обозначенной даты включительно могут являться основанием для того чтобы задействовать соответствующие уголовно-процессуальные механизмы - возобновление производства в виду новых обстоятельств по конкретному уголовному делу. Соответственно, соискателю следовало бы более конкретизировано дать комментарий в ходе публичной защиты относительно роли постановлений ЕСПЧ при разрешении вопросов, связанных с экстрадицией, которые были приняты, как до 15 марта 2022 года, так и после.

8. Автор указывает, что заключение под стражу в отсутствие к выдаче лиц возможно лишь при объявлении их в международный розыск (стр. 138). Это утверждение не точно в своей основе. В связи принятием Федерального закона от 6 марта 2019 года № 21-ФЗ «О внесении изменения в статью 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»²⁴ заключение под стражу *in absentia* представляется возможным при объявлении в межгосударственный розыск и (или) международный розыск. Между тем, отрадно, что далее диссертант упоминает в рукописи межгосударственный розыск (стр. 141). По этой же причине не согласимся, что «обязательным условием объявления и осуществления международного розыска лица является его объявление в федеральный розыск на территории России» (стр. 139). Согласно п. 116 Инструкции по организации информационного обеспечения по линии Интерпола международный розыск лиц не подменяет межгосударственный розыск в пределах государств-участников СНГ и может осуществляться параллельно с ним. При этом обязательным условием является предварительное или одновременное объявление межгосударственного розыска.

9. Исследуя вкратце правило «специализации» при экстрадиции (стр. 89, 145), диссертант, на наш взгляд, оставил за скобками немаловажный вопрос о его толковании, в том числе системном. Действительно, российский уголовно-процессуальный закон определяет пределы уголовной ответственности лица,

²⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 10. Ст. 891.

выданного Российской Федерации. Среди прочего подчеркивается, что лицо, выданное иностранным государством, не может быть задержано, привлечено в качестве обвиняемого, осуждено без согласия государства, его выдавшего, а также передано третьему государству за преступления, не указанное в запросе о выдаче (ч. 1 ст. 461 УПК РФ). Между тем, Четвертый протокол к Европейской конвенции о выдаче от 20 сентября 2012 года, который ратифицирован Российской Федерацией²⁵, предусматривает некоторые отступления от данного правила (в приведенном международном договоре оно именуется, как «правило конкретности»). Так, в подп. «а» п. 2 ст. 3 указанного протокола говорится, что:

«Запрашивающая Сторона может провести предварительное расследование, исключая применения мер, ограничивающих личную свободу выданного лица» (курсив наш – К.К.).

В этой связи возникают «юридические нестыковки» касательно формулировок, содержащихся в приведенном выше международном договоре и российском уголовно-процессуальном законе, в особенности напрашивается вопрос: законно ли привлечь лицо в качестве обвиняемого без согласия иностранного государства, его выдавшего за преступление, не указанное в запросе?²⁶ При этом устанавливается общий примат норм международного права над российскими уголовно-процессуальными, за исключением только случаев, указанных в ч. 3 ст. 1 УПК РФ. Как представляется, было бы уместно высказать диссертанту свою позицию по данному вопросу, поскольку описанный недочет мог бы быть восполнен в ходе публичной защиты.

10. *Нуждается в дополнительной аргументации и утверждение диссертанта о том, что «угроза уголовного преследования по политическим мотивам должна проверяться не на основании общих сведений, а на основании проверочных мероприятий, проведенных в отношении конкретного лица, которые должны иметь приоритетное значение» (стр. 161).* Мгновенно

²⁵ См.: Федеральный закон от 7 марта 2017 года № 23-ФЗ «О ратификации Четвертого дополнительного протокола к Европейской конвенции о выдаче» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 11. Ст. 1532.

²⁶ См. также: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 2017 года № 1166-О.

возникает вопрос: что это за проверочные мероприятия, которые должны быть осуществлены в ходе экстрадиционной проверки на предмет установления политическим мотивов уголовного преследования? Аргументированная позиция соискателя по этому вопросу придала бы рукописи дополнительную теоретическую и практическую значимость.

11. *Излишне оптимистичным и юридически небезупречным представляется утверждение диссертанта о том, что «структура норм, регламентирующих выдачу, не содержит прямых коллизионных пробелов» (стр. 198).* Прямым подтверждением этому является наличие коллизий между нормами международного права и отечественного уголовно-процессуального. В силу п. 1 ч. 3 ст. 462 УПК РФ выдача лица может быть произведена в случаях, если уголовный закон предусматривает за совершение этих деяний наказание *в виде лишения свободы на срок свыше одного года (курсив наш – К.К.)* или более тяжкое наказание, когда выдача производится для уголовного преследования. В то же время п. 1 ст. 2 Парижской конвенции определяет, что выдача осуществляется в отношении преступлений, наказуемых в соответствии с законодательством обоих государств (запрашиваемого и запрашивающего) *лишением свободы по крайней мере в один год или более серьезным наказанием*²⁷. Гипотетически можно предположить, что санкция в виде лишения свободы за преступление, инкриминируемого в вину обвиняемого, подлежащего выдаче из Российской Федерации, определена верхним пределом равным году, но не свыше (напр., ст. 115 УК РФ). Исходя из изложенного вытекает некоторое противоречие относительно приведенных сроков, а, следовательно, усматривается противоречие положений международного договора и норм уголовно-процессуального права. Как представляется, налицо

²⁷ В то же время аутентичные тексты данного договора (на английском и французском языках) содержат несколько иную терминологию. В английской версии используется выражение «... *deprivation of liberty order for a maximum period of at least one year...*», во французской – «... *de liberté de sûreté privative de liberté d'un maximum d'au moins un an...*». В переводе *ad verbum* означает «не менее одного года». Такая формулировка предусмотрена и в ч. 2 ст. 460 УПК РФ, определяющей направление запроса о выдаче лица, находящегося на территории иностранного государства. В то же время содержание словосочетаний «не менее года» и «в срок один год» имеют одинаковый смысл, поскольку определяют низший предел санкции за преступление, по которому лицо может быть экстрадировано.

юридическая коллизия. Заметим, что судебная практика придерживается различных подходов на этот счет, поскольку в одних случаях отдается приоритет нормам уголовно-процессуального права²⁸, а в других – в пользу договорных²⁹.

12. Наконец, необходимо отметить и ряд технико-юридических и технических неточностей, выявленных в оппонированной работе.

(12.1). *Во-первых*, в работе сделана ссылка на пример экстрадиции предпринимателя Сергея Полонского из Королевства Камбоджи в Российскую Федерацию (стр. 33). Однако, из различных источников усматривается, что С. Полонский был депортирован из Королевства Камбоджи, поскольку проживал в этой стране по просроченной визе, а не экстрадирован (до этого несколько раз запросы Генеральной прокуратуры Российской Федерации о выдаче в уголовно-процессуальном порядке местными властями были не удовлетворены)³⁰. Подчеркнем, что экстрадиция и депортация имеют различный правовой режим, в том числе предусматривают иные основания, условия и порядок реализации.

(12.2). *Во-вторых*, формулировка «международное законодательство» (стр. 88) юридически не безупречна, поскольку национальное право и международное право — это самостоятельные правовые системы³¹, предусматривающие собственную классификацию источников. Такой термин не используется в международном праве, а заменяется формулировкой

²⁸ Баренбойм П.Д., Хазиев Ш.Н. О незаконной практике экстрадиции бизнесменов // Адвокат. 2013. № 6. С. 6.

²⁹ См.: апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.07.2018 года № 5-АПУ18-23.

³⁰ Сергея Полонского вернули на родину. Эпопея с экстрадицией бизнесмена завершилась его депортацией // Коммерсантъ: информ. порт. 2015. 18 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2728707?ysclid=1l6el8tedp832574039> (дата обращения: 01.08.2023).

³¹ Как отмечается в доктрине, международное публичное право не является отраслью права, поскольку представляет собой особую правовую систему и область права, стоящую особняком по отношению к праву внутригосударственному (национальному). См. об этом: Фельдман Д.И., Игнатенко Г.В. Международное право и общественный прогресс. М.: Международные отношения, 1972. С. 25; Международное право: учебник / отв. ред. В.И. Кузнецов, Б.Р. Тузмухамедов. – 3-е изд., перераб. М.: Норма, Инфра-М, 2010. С. 67; Hilpold P. European International Law Traditions. Cham: Springer, 2020. P. 3-19.

«источники международного права» либо «нормы международного права» в зависимости от контекста. По этой же логике, не можем согласиться, что институт выдачи лиц находится на стыке исключительно отраслей права (стр. 167), постольку в первую очередь он является межсистемным институтом.

(12.3). В-третьих, довольно спорным с точки зрения выработанного в теории права понятия «нормативный правовой акт»³² видится позиция диссертанта о том, что Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 5 марта 2018 года № 116/35 не является нормативным правовым актом, а выступает в качестве особого информационно-распорядительного документа (стр. 135). Впрочем, Генеральная прокуратура Российской Федерации относит подобного рода указания к нормативно-правовым актам³³. Российские суды занимают аналогичную позицию³⁴.

(12.4). В-четвертых, не согласуется с конституционно-правовым принципом презумпции невиновности формулировка «концепция выдачи преступников» (стр. 239);

(12.5). Из технических погрешностей обращают на себя внимание:

(а) оформление библиографических ссылок с нарушением положений ГОСТа Р 7.0.5-2008 (к примеру, стр. 19, 20);

(б) формирование библиографии диссертации с нарушением ГОСТа 7.0.100-2018, в частности не везде указана редакция используемого нормативного правового акта;

(в) ряд ошибок орфографического (например, «государственно-правового» (стр. 54); «уголовно-правового» (стр. 105)), пунктуационного (стр. 175) характера;

³² Например, см.: Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Юрист, 1997. С. 334-335

³³ См.: раздел «Нормативные акты» // Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents/normative-act> (дата обращения: 01.08.2023).

³⁴ См.: Решение Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2003 года № ГКПИ03-1265 (Приводится по: Артеменков В.К. Феномен нормативного правового акта Генеральной прокуратуры Российской Федерации в законодательстве и судебной практике // Законность. 2020. № 1. С. 9-12).

(г) неверное указание некоторых анкетных данных авторов, позиции которых приводятся в рукописи (например, А.А. Казаков поименован как «А.А. Козлов» (стр. 134); В.С. Выскуб обозначен как «В.С. Выскруб» (стр. 149));

(д) диссертант делает неточные ссылки на некоторые международные договоры в подтверждении своих доводов (например, приводится «ч. 3 ст. 58 Минской конвенции», однако в указанном международном соглашении имеются пункты, но не части, а необходимость приложения к запросу о выдаче заверенной копии постановления о заключения под стражу регламентируются п. 2 комментируемой статьи).

Высказанные замечания не снижают в целом высокой положительной оценки диссертационного исследования М.Б. ЧОБИТЬКО. В большинстве своем они сформулированы в развитие темы и свидетельствуют не столько об ошибках автора, сколько о профессиональном интересе к его работе, а также о комплексном и многогранном характере исследованных вопросов, новых перспективах научных изысканий, основу которых сформировал диссертант, что делает диссертацию чрезвычайно ценной в научном и практическом отношении.

В целом же мы констатируем наличие в диссертации положений теоретического и практического плана, которые представляют собой существенный вклад в уголовно-правовые науки, большинство из них мы поддерживаем.

Все вышеизложенное позволяет нам прийти к следующим **выводам**:

1) содержание диссертации М.Б. ЧОБИТЬКО «Выдача в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования» соответствует научной специальности 5.1.4. – «Уголовно-правовые науки»;

2) диссертация М.Б. ЧОБИТЬКО «Выдача в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования» является самостоятельной научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, в совокупности содержащие решение

задачи, имеющей существенное значение для науки уголовного процесса, теоретического обеспечения законотворчества и практики уголовного судопроизводства. Данная работа обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты, что соответствует требованиям, предъявляемым к диссертационным работам на соискание ученой степени кандидата наук в соответствии с Положением о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 № 842, с последующими изменениями, и заслуживает положительной оценки;

3) автореферат соответствует содержанию диссертации;

4) материалы диссертации достаточно полно представлены в публикациях автора и известны широкой юридической общественности, апробированы, а результаты исследования внедрены в практику и учебный процесс высших учебных заведений;

5) автор диссертационного исследования – ЧОБИТЬКО Максим Борисович – по результатам публичной защиты заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. – «Уголовно-правовые науки».

Официальный оппонент:

Доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
ФГАОУ ВО «Московский государственный
институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
(специальность 12.00.09 – Уголовный процесс)

К.К. КЛЕВЦОВ

«23» августа 2023 г.

Адрес: 119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76.
Телефон: 8 (495) 225-31-04

адрес электронной почты: k.klevtsov@inno.mgimo.ru
официальный сайт: <https://mgimo.ru/people/klevtsov-kirill/>

